

Глава 18

Кто? Кто это?

Кто светит фонариком в их окна?

Линь Цзао рывком откинул одеяло, вскочил с кровати и, не успев даже накинуть тапочки, бросился к окну, где только что мелькнул свет.

Он схватился за штору и уже было собирался её отдёрнуть, как вдруг опомнился.

Нет, нельзя.

Если снаружи действительно кто-то есть, и он откроет штору, то вся обстановка в доме станет видна.

А у того, кто снаружи, есть фонарик. Если он снова посветит в окно, то сквозь штору будет виден его силуэт.

Поняв это, Линь Цзао быстро отскочил в сторону и спрятался за стеной.

Он сделал несколько глубоких вдохов, заставляя себя успокоиться, и дрожащей рукой осторожно оттянул край шторы, создав небольшую щель.

Затаив дыхание, он медленно повернул голову и выглянул наружу.

Эта комната была их с Фу Чэном спальней.

Линь Сяобао был ещё маленьким и спал вместе с ними.

Спальня находилась на третьем этаже, с противоположной стороны от улицы и автомастерской, ближе к заднему двору и забору.

Окно выходило прямо на забор.

Обычно машины и люди двигались по главной улице.

Лишь немногие, хорошо знавшие район соседи, чтобы срезать путь, проходили или проезжали на мотоциклах по узкой тропинке перед забором.

Тропинка была узкой и неосвещённой.

Сегодня небо было затянуто тучами, и лунного света не было совсем.

Линь Цзао, спрятавшись за шторой, широко раскрытыми глазами несколько раз осмотрел всё, что было видно.

Но ничего.

Абсолютно ничего.

Было два часа ночи, и в окнах домов вдалеке давно погас свет.

Кругом царила мёртвая тишина и непроглядная тьма.

Линь Цзао ничего не видел и ничего не слышал.

Никого, ни малейшего следа.

Что же это было?

Линь Цзао несколько раз моргнул, пытаясь сфокусироваться, и снова выглянул в окно.

Нет, по-прежнему ничего.

Неужели ему показалось?

Невозможно, он лежал в кровати с открытыми глазами.

Он ясно и отчётливо видел, как белый луч света проник в окно и ослепил его.

Это был фонарик, причём мощный, способный пробить до третьего этажа и сквозь шторы.

Зомби не умеют пользоваться фонариками, у них на это не хватит ума.

Значит, это был человек.

Человек, который тайно наблюдает за их домом.

Линь Цзао опустил глаза и задумался.

С момента начала эпидемии прошёл почти месяц.

Даже если учесть, что у всех были новогодние запасы, за месяц они должны были закончиться.

Фу Чэн за пять-шесть дней смог собрать всего несколько десятков мешков риса в разной упаковке, что говорило о том, что в магазинах и на складах введены ограничения.

Значит...

Январское затишье подходило к концу.

Люди начали голодать и искать, на кого бы напасть.

Тот луч света был светом охотника, выбирающего жертву!

От этой мысли у Линь Цзао всё похолодело внутри.

Их дом, с большими запасами и маленьким ребёнком, был слишком лёгкой мишенью.

Нельзя! Нельзя сидеть сложа руки!

Нужно что-то делать.

Линь Цзао поджал губы, опустил штору и закрепил её края прищепкой, чтобы в комнате было совершенно темно.

Он на цыпочках подошёл к кровати, надел тапочки и пальто, схватил свой верный железный прут и тихо вышел из комнаты.

Взяв большую связку ключей, Линь Цзао сначала обошёл весь третий этаж, проверяя, заперты ли все окна и задёрнуты ли шторы.

Чтобы не выдать себя, он даже не включал свет, всё делал в полной темноте.

Когда они строили дом, они с Фу Чэном решили, что на третий этаж воры не полезут, и не стали ставить решётки на окна, ограничившись первым и вторым этажами.

Теперь он об этом жалел.

Кроме их спальни, на третьем этаже была ещё комната Сяобао и кабинет.

Сяобао не спал в своей комнате, а в кабинет он заходил редко.

Сейчас там хранились лишь несколько десятков мешков риса.

Поэтому, проверив всё, Линь Цзао просто запер двери этих комнат.

Даже если кто-то заберётся с улицы и разобьёт окно, ему придётся ещё возиться с дверью.

Дополнительная защита.

Закончив с третьим этажом, Линь Цзао на цыпочках спустился вниз.

На втором этаже располагались гостиная, кухня и столовая, и окна были со всех сторон.

Этаж был очень светлым и открытым, и кроме решётки на лестнице, единственной преградой была раздвижная стеклянная дверь между кухней и столовой.

Дверь была хлипкой и служила лишь для того, чтобы не пропускать запахи. К тому же, им постоянно приходилось ходить туда-сюда, поэтому Линь Цзао её не запирал.

Но...

Выходя из кухни, Линь Цзао бросил взгляд на мусорное ведро.

Он всегда был очень осторожен.

После начала эпидемии он никогда не включал вытяжку во время готовки и не выносил мусор.

Чтобы никто по отходам не догадался, что в их доме есть еда.

Поэтому тот луч света не обязательно означал, что за их домом уже следят.

Возможно, это была лишь разведка.

Если они будут сохранять спокойствие и не выдадут себя, у них есть шанс остаться

незамеченными.

Линь Цзао немного успокоился и продолжил спускаться.

На первом этаже были автомастерская и гараж.

Линь Цзао недавно всё здесь осматривал, и проблем не было.

Вот только... на окнах первого этажа не было штор.

Любой прохожий мог, просто повернув голову, увидеть всё, что внутри.

Линь Цзао, не мешкая, отложил прут и нашёл несколько картонных коробок.

Он разобрал их, превратив в листы картона, и приложил к окнам.

Одной рукой он прижимал картон, а другой схватил скотч, нашёл край и с силой потянул.

С треском отмотался длинный кусок ленты.

Ножниц под рукой не было, поэтому он просто откусил его зубами.

Линь Цзао приклеил картон к оконным рамам, плотно, не оставляя ни единой щели.

Он даже заклеил маленькое, высоко расположенное окошко в гараже.

А вдруг кто-то заберётся наверх, чтобы подсмотреть, увидит их пикап и задумает недоброе?

Линь Цзао в одиночку провозился больше получаса, прежде чем заклеил все окна на первом этаже.

Он встал посреди комнаты и огляделся.

Выглядело неказисто, но лучше, чем ничего.

Враг был в тени, а их дом — на виду.

Он мог лишь сделать всё возможное, чтобы защититься.

Конечно, если за ними следил кто-то, кто хорошо знал их дом, или если их уже взяли на заметку до того, как он принял меры, то...

Оставалось лишь встретить врага лицом к лицу.

Линь Цзао глубоко вздохнул. Он снова почувствовал, как по телу разливается жар.

Он поднял руку, коснулся лба и помотал головой.

Голова кружилась.

Ему нельзя было больше бегать.

Ещё немного, и он просто упадёт в обморок.

Даже если за их домом действительно следят, вряд ли они предпримут что-то сегодня ночью.

Линь Цзао снова поднял свой прут и собрался идти наверх, спать.

Проходя мимо кладовки, он краем глаза заметил что-то и остановился.

Высокая чёрная железная дверь по-прежнему стояла на месте, тихая и неподвижная, как гора.

Линь Цзао, повинуясь внезапному порыву, подошёл к ней.

Он остановился перед дверью.

В следующую секунду он расслабился и, качнувшись вперёд, прислонился к двери лбом.

Дверь была чистой, Фу Чэн протёр её перед Новым годом.

Лоб горел, а железо было холодным.

Приятное ощущение.

Линь Цзао склонил голову и прижался к двери щекой.

Прохлада успокаивала, гася огонь в его голове.

Словно котёнок, прильнувший к любимой ножке стола, он потёрся о дверь и от удовольствия прикрыл глаза.

Но в этот момент...

Из-за двери донеслось низкое урчание.

Линь Цзао открыл глаза, сомневаясь, не послышалось ли ему.

Это Чэн-гэ?

Чэн-гэ ещё не спит?

Он стоит прямо за дверью?

Линь Цзао наклонился и прижался ухом к двери, пытаясь расслышать.

Ур-ур... ур-ур...

Это был звук, который Фу Чэн часто издавал после того, как его поцарапал зомби.

Звук, похожий на дружелюбное рычание собаки.

Чутьё не обмануло Линь Цзао.

Когда он прислонился к двери, Фу Чэн стоял прямо за ней.

В темноте Фу Чэн стоял выпрямившись, его ноги упирались в дверь, он был очень близко.

Он хотел подойти ещё ближе, но не мог.

Линь Цзао услышал его голос, а он, в свою очередь, уловил запах Линь Цзао, услышал его дыхание.

Как волк, Фу Чэн втягивал носом воздух, ища источник запаха Линь Цзао за дверью.

Наконец, он нашёл самое близкое к Линь Цзао место и тоже наклонился, прижавшись лбом к двери.

Их разделяла лишь железная дверь.

Линь Цзао прислонился к груди Фу Чэна, а Фу Чэн вдыхал аромат его волос.

Если бы в этот момент дверь исчезла, Линь Цзао упал бы прямо в объятия Фу Чэна, и они могли бы крепко обняться.

Но увы.

Фу Чэн разжал кулаки, протянул руки и коснулся лишь холодной поверхности двери.

Нельзя обнять.

Он ещё не мог обнять Сяо Цзао.

Так они и стояли, прижавшись друг к другу через железную дверь.

Прохладное прикосновение и знакомый звук успокаивали Линь Цзао.

У него не было сил говорить с Фу Чэном, он просто снова расслабился, закрыл глаза и прислонился к двери.

Если бы можно было, он бы так и уснул.

Грудь к груди, холод и тепло смешались.

Сдавленный рык Фу Чэна и ровное, сильное дыхание Линь Цзао слились в один ритм.

Оба погрузились в редкие минуты близости, не двигаясь.

Неизвестно, сколько прошло времени. Линь Цзао уже начал дремать, как вдруг Фу Чэн резко очнулся.

В следующую секунду Фу Чэн громко заурчал, предупреждая Линь Цзао.

И в тот же миг Линь Цзао, разбуженный им, пошатнулся, и железный прут, который он прислонил к стене, соскользнул и упал на пол.

Оглушительный грохот эхом разнёсся по пустому гаражу.

В ночной тишине этот звук заставил вздрогнуть.

Линь Цзао очнулся и быстро поднял прут.

Ему нельзя было здесь спать.

Он чуть не уснул, и если бы не Фу Чэн, он бы упал на пол.

Нет, нет.

Линь Цзао потёр лицо и, наконец, протянул руку и легонько похлопал по двери в знак прощания.

— Чэн-гэ, я пошёл.

Фу Чэн, по-прежнему стоя за дверью, заурчал в ответ.

— Хорошо.

Линь Цзао вернулся наверх, заперев по пути решётку на третьем этаже и дверь в спальню.

Он откинул одеяло, на цыпочках забрался в кровать и лёг.

За то время, что его не было, тёплая постель успела остыть.

Линь Сяобао, спавший на другой стороне, не проснулся от шума.

Лишь почувствовав, что рядом кто-то лёг и матрас прогнулся, он, как маленькая золотая рыбка, вильнув хвостом, подплыл к папе, обнял его за руку и продолжил спать.

Линь Цзао погладил его по голове и, по-прежнему с открытыми глазами, смотрел в потолок.

Странно.

Внизу он мог уснуть стоя.

А вернувшись в комнату и лёжа в кровати, он не чувствовал ни малейшей сонливости.

Почему так?

Линь Цзао, перебирая мягкие волосы Линь Сяобао, размышлял.

Что делать завтра?

Капуста и салат подождут.

Сначала нужно научить Сяобао, как защищаться, как прятаться.

Дел было так много, что одно сменяло другое, и в голове у Линь Цзао царил полный хаос.

Лишь к четырём-пяти часам утра, когда за окном забрезжил рассвет, Линь Цзао закрыл глаза и провалился в беспокойный сон.

Восемь тридцать утра.

Солнце взошло, ярко сияя.

Но мир по-прежнему был погружён в тишину.

Линь Сяобао открыл глаза в этой тишине и обнаружил, что папа обнимает его.

Ого! Какой сюрприз!

Линь Сяобао раскинул ручки и тоже обнял папу, прижавшись круглой щёчкой к его пушистой пижаме с динозавриком.

Маленький динозаврик в объятиях среднего динозаврика.

В объятиях папы так тепло.

Линь Сяобао немного понежился, а затем поднял голову и посмотрел на папу.

Папа ещё спал, его глаза были закрыты, и лишь маленький хохолок на макушке подрагивал.

Линь Сяобао протянул руку и потрогал лоб папы.

Хорошо, не горячий, значит, простуда почти прошла.

Он убрал руку и потрогал свой животик.

Тоже хорошо, он не очень голоден, можно ещё потерпеть.

Он хотел, чтобы папа поспал подольше, поэтому...

Линь Сяобао поудобнее устроился в объятиях папы.

Он вытянул руку, взял лежавшую рядом с подушкой игрушечную уточку и стал играть с ней, покачивая в воздухе.

Уточка плавала по одеялу, туда-сюда.

Кря-кря-кря...

Нет, нельзя кричать! Разбудишь папу!

Линь Сяобао засунул игрушку под подушку и стал играть со своими пальцами.

Он умел считать на пальцах и играть в театр теней.

Этому его научил большой папа.

Вот так — собачка, вот так — зайчик, а вот так...

— М-м?

В этот момент Линь Цзао пошевелился и сонно пробормотал:

— Сяобао, ты проснулся?

— Да... — Линь Сяобао вдруг что-то вспомнил и быстро поправился: — Нет!

Он поднял ручку, закрыл глаза папы и, поглаживая их, попытался его загипнотизировать.

— Я не проснулся, Сяобао не проснулся. Папа может ещё поспать, папа, спи.

Линь Цзао, лёжа на спине, моргнул и рассмеялся:

— Сяобао, что ты делаешь...

Не успел он договорить, как Линь Сяобао закрыл ему и рот, и теми же поглаживающими движениями попытался его сомкнуть.

— Папа, ты говоришь во сне. Папа, спи, папа, спи...

Говоря это, он даже запел «Колыбельную».

— Всё, всё, — Линь Цзао поймал его ручку. — Папа уже выспался, не нужно утруждать себя пением.

Линь Сяобао надул губки:

— Ну ладно.

На самом деле Линь Цзао поспал всего два-три часа, но этого было достаточно. Всё равно он сидел дома и не занимался ничем тяжёлым.

Линь Цзао зевнул, потянулся и, обняв Линь Сяобао, сел в кровати.

Он взбодрился:

— Пойдём, умываться.

— Хорошо.

Отец и сын гуськом направились в ванную в главной спальне.

Они встали рядом перед раковиной, над которой висело большое зеркало в европейском стиле.

Линь Сяобао, булькая, чистил зубы и, подняв голову, увидел в зеркале лицо папы.

— Папа, у тебя...

— Сначала выплюнь пену, не глотай грязь.

— О.

Линь Сяобао выплюнул пену и продолжил:

— Папа, у тебя тёмные круги под глазами.

— Правда? — Линь Цзао поднял голову и тоже посмотрел в зеркало. — Это дымчатый макияж, сейчас очень модно.

— Правда? — с сомнением переспросил Линь Сяобао.

— Да, — Линь Цзао снова зевнул. — Красиво?

— Некрасиво! — серьёзно заявил Линь Сяобао. — Мне больше нравится, когда у папы белое личико.

— Правда? Ну, тогда папа потом намажется кремом.

К счастью, Линь Цзао вчера поленился и приготовил плова в два раза больше.

Сегодня утром не нужно было готовить завтрак.

Он просто выложил плов на сковороду, разогрел, и получился жареный рис.

Линь Сяобао съел две миски, а Линь Цзао всё ещё чувствовал тяжесть на душе и съел всего одну.

Остальное он сложил в контейнер, чтобы отнести Фу Чэну.

Сегодня еду относил Линь Сяобао.

Линь Цзао, стоя на скамейке, поднял сына:

— Эх!

Линь Сяобао, обняв контейнер, осторожно опустил его в корзину:

— Готово.

— Аккуратно держи верёвку и опускай корзину.

— Боюсь, не удержу, — с сомнением сказал Линь Сяобао.

— Ничего, — Линь Цзао поудобнее перехватил его и, освободив одну руку, взял его за ручку. — Папа поможет.

— Хорошо.

Линь Цзао, помогая Линь Сяобао, медленно опускал верёвку.

А в это время Фу Чэн, прислонившись к стене и вытянув ноги, сидел в темноте и молча смотрел на них.

Он помнил, что этого красивого юношу, который ему нравился, звали «Сяо Цзао».

Это имя он много раз выцарапывал на стене и много раз повторял про себя.

Оно глубоко врезалось в его память, и забыть его было невозможно.

А что касается ребёнка на руках у юноши...

Этого ребёнка...

Фу Чэн повернул голову и провёл рукой по стене, по более сложному иероглифу с большим количеством черт.

Этот иероглиф...

Всё, он не мог вспомнить.

Что это за иероглиф? Почему он вдруг его забыл?

Фу Чэн нахмурился, пытаясь вспомнить.

И в тот момент, когда знакомое слово уже было готово сорваться с языка...

Бам! — Линь Цзао и Линь Сяобао не удержали верёвку, и пластиковая корзина с контейнером упала на землю.

Этот удар выбил из его памяти и имя Линь Сяобао.

Глаза Фу Чэна блеснули, и он резко очнулся.

Бао! Сяобао!

Этого ребёнка зовут «Сяобао»!

Будучи зомби, он постоянно испытывал голод.

Он не понимал, что означает «сытый», он просто механически повторял этот иероглиф, запоминая его, и только.

Снаружи его Сяо Цзао и Сяобао разговаривали с ним.

— Большой папа, я тебя не напугал? Это я нечаянно, когда научусь, будет лучше.

— Чэн-гэ, Сяобао в первый раз тебе еду относит, не сердись, в обед я приготовлю что-нибудь вкусненькое.

Фу Чэн сидел на полу и смотрел на них. Внезапно ему очень захотелось заговорить, как они.

Но из его горла вырывался лишь низкий, хриплый рык.

Он не мог говорить, и его бесило, что он может издавать лишь простые звуки.

— Большой папа не отвечает, наверное, спит, пойдём.

— Ну ладно, но большой папа даже не видел, как я ему еду принёс.

— Ничего. В этот раз мы ошиблись, так что даже лучше, что он не видел.

— Логично.

Линь Цзао, взяв Линь Сяобао на руки, повернулся и ушёл.

Фу Чэн сидел в углу, его рука лежала на выцарапанных на стене иероглифах, он ощущал их изгибы.

Он открыл рот и, собрав все силы, попытался заговорить.

— Р-р-р...

Нет!

— А-а-а...

Тоже не то!

Тем временем Линь Цзао и Линь Сяобао поднялись наверх.

Линь Сяобао с энтузиазмом потянул Линь Цзао за руку.

— Скорее, папа, сначала поменяем воду у салата, а потом перевернём капусту!

— Это подождёт, — Линь Цзао потянул его на себя. — У нас есть более важная задача.

— Какая? — с любопытством спросил Линь Сяобао.

— Вот какая...

Линь Цзао привёл его на третий этаж.

На лестничной площадке третьего этажа была решётка, отделявшая лестницу от комнат.

Отец и сын стояли перед ней.

— Сегодня папа научит тебя, как запирать дверь, — серьёзно сказал Линь Цзао.

Линь Сяобао, потирая подбородок, склонил голову набок, немного недоумевая.

— М-м?

Он подошёл к двери, встал на цыпочки и поднял руки.

Всем телом он прижался к двери, так что его круглый животик расплющился.

Линь Сяобао повернулся к Линь Цзао и, ничего не говоря, лишь моргнул.

Папа, ты видишь?

Мои коротенькие ручки не дотягиваются до замка.

Я очень низкий, я ещё не достаю до замка.

Так кого ты собираешься учить запира́ть дверь?

Меня? Такого коротышку?

Линь Цзао всё видел, но всё равно сказал:

— Сяобао, давай!

— Ну ладно, — Линь Сяобао послушно принялся стараться. — И-и-и... я-я-я...

Он карабкался по двери, пытаясь дотянуться.

Вот-вот! Ещё чуть-чуть!

Он почти дотянулся до замка!

Давай!

Линь Цзао вздохнул и погладил его по голове:

— Ладно, папа принесёт стульчик.

Линь Сяобао не сдавался:

— Папа, верь в меня!

— Папа в тебя верит, через полгода ты точно дотянешься до замка, а пока давай на стульчик.

— Ну ладно.

У них в доме было много вещей, и у Линь Сяобао было пять или шесть своих стульчиков.

Фу Чэн немного умел работать с деревом, и в свободное время в автомастерской он мастерил всякие мелочи.

Любимые поделки Линь Цзао, специальная мебель для Линь Сяобао, стульчики, столики — всё, что угодно.

Линь Цзао принёс стул и поставил на него Линь Сяобао.

Теперь Линь Сяобао мог стоять прямо перед замком и хорошо его видеть.

Линь Цзао присел на одно колено позади него и, протянув руку, показал ему.

— Смотри, Сяобао, на двери есть ручка и защёлка. Ручку нужно нажимать вниз, нажал — дверь открылась. Сильно толкнул дверь — она закрылась. Это ты, наверное, знаешь, да?

— Угу, — кивнул Линь Сяобао.

— А теперь папа расскажет про защёлку. Она поворачивается, попробуй повернуть.

— Хорошо, — Линь Сяобао послушно выполнил.

— Молодец. А теперь папа научит тебя запирать дверь. Смотри, мы поворачиваем защёлку вот сюда, слушай, будет звук...

Линь Цзао терпеливо объяснил Линь Сяобао, как запирать дверь, показал ему, а потом дал попробовать самому.

Вскоре Линь Сяобао научился.

— Но... — Линь Сяобао чувствовал, что что-то не так. — Папа, зачем мне учиться запирать дверь?

Линь Цзао погладил его по голове:

— А вдруг к нам придут люди, которые нам не нравятся, и будут настойчиво проситься в гости, а папы не будет дома или он будет спать, тогда ты сможешь сам запереть дверь и не пустить их.

— М-м... — задумался Линь Сяобао. — Но у меня нет людей, которые мне не нравятся, я люблю, когда к нам приходят гости.

— А у папы есть, — серьёзно сказал Линь Цзао. — У папы есть очень-очень плохие люди, которых он не хочет видеть в нашем доме.

— Если папа их не любит, то и я их не люблю, — тут же переметнулся на его сторону Линь Сяобао. — С сегодняшнего дня у меня тоже есть люди, которые мне не нравятся!

— Тогда договорились, когда эти люди придут, папа скамандует...

— «Сяобао, запри дверь!»

— И ты сразу же побежишь наверх и закроешь дверь, договорились?

— Конечно, — Линь Сяобао похлопал себя по груди. — Можешь на меня положиться.

Линь Цзао протянул ему мизинец:

— Мирись-мирись.

— Хорошо, — Линь Сяобао тоже протянул ручку.

— Мирись-мирись, и больше не дерись, а если будешь драться, я буду кусаться.

Помирившись, Линь Цзао отвёл его на второй этаж, чтобы потренироваться на тамошней решётке.

Линь Сяобао, стоя на стульчике, заложив одну руку за спину, другой поворачивал защёлку, словно открывал сейф.

Легко и изящно.

Щёлк-щёлк...

Для умного Сяобао это было проще простого!

Линь Цзао наблюдал со стороны.

— Двери на втором и третьем этажах одинаковые, сегодня выучим эти две.

— Завтра папа научит тебя запереть заднюю дверь, послезавтра — парадную. А потом папа научит тебя запереть роллеты.

— Когда ты всё выучишь, ты станешь самым лучшим Сяобао в мире!

Линь Сяобао, гордо выпрямившись, сохраняя изящество, ответил:

— Хорошо, папа.

Следующие несколько дней Линь Цзао учил Линь Сяобао, как открывать и закрывать замки, и заставлял его постоянно тренироваться.

Для удобства за каждой дверью в доме теперь стоял маленький стульчик.

Линь Цзао хотел было дать ему какое-нибудь оружие, но потом передумал.

Драться — дело взрослых. Трёхлетний ребёнок, даже с оружием, слишком слаб, и его легко отобрать.

Поэтому Линь Цзао начал учить Линь Сяобао прятаться.

Он играл с ним в прятки.

Он прятался под кроватью, в шкафу, в ванной, а Линь Сяобао его искал.

Когда он его находил, они вместе разбирали, почему его обнаружили, искали лучшие места для укрытия, и Линь Сяобао пробовал спрятаться сам.

Конечно, кроме тренировок с Сяобао, Линь Цзао и сам занимался.

Простуда почти прошла, температуры уже не было, остался лишь небольшой кашель и насморк.

Ничего, терпимо.

Гантелей в доме не было, поэтому, чтобы тренировать руки, Линь Цзао брал на руки Линь Сяобао...

Поднимал, опускал...

Поднимал, опускал...

Линь Сяобао лежал вытянувшись, притворяясь маленькой штангой.

— Папа...

— М?

— Мне кажется, ты какой-то странный.

— Где странный? — спросил Линь Цзао. — Странно красивый?

— Фу-у, — сморщил носик Линь Сяобао. — Странно глупый!

— Ах ты, негодник, смеешь обзывать папу, тебе конец!

Линь Цзао схватил его и принялся щекотать.

Линь Сяобао извивался, пытаясь вырваться, но так и не смог освободиться из папиных объятий!

Ему оставалось лишь лежать на кровати, как вяленая рыбка, и терпеть.

Какой злой папа!

Вот был бы здесь большой папа!

Хотя нет, большой папа бы ему не помог, он бы помог папе.

Вот если бы у него было побольше жирка на животе!

Тогда бы папа не смог его так зачекотать!

Днём Линь Цзао готовил, носил еду, разбираал запасы и тренировал Сяобао.

Вечером, когда Сяобао засыпал, он, завернувшись в пальто и взяв ключи, обходил дом.

Но тот белый луч света, который он видел в ту ночь, больше не появлялся.

Иногда Линь Цзао сомневался, не показалось ли ему.

Может, и не было никакого света, а он просто, засыпая, увидел галлюцинацию.

Или, может, действительно был свет, но это просто проезжавшая мимо машина осветила их дом.

Странно.

Хотя Линь Цзао и сомневался, он не осмеливался расслабляться и всегда был начеку.

Что касается Фу Чэна, то Линь Цзао по-прежнему трижды в день носил ему еду.

После того, как Линь Цзао на него накричал, он стал очень послушным.

Что бы Линь Цзао ни приносил, он всё съедал дочиста.

Линь Цзао даже приготовил ему чистую одежду и передал через окно.

Но Фу Чэн её не надел. Он взял её, потянул, и одежда порвалась.

Сломав вещь, Фу Чэн выглядел очень виноватым и жалко смотрел на Линь Цзао.

Ну ладно, дома и так чисто, так что Линь Цзао не стал настаивать.

Лишь однажды вечером, перед сном, Линь Цзао вдруг вспомнил...

В кладовке нет туалета!

Как Фу Чэн ходит в туалет?

От этой мысли он широко раскрыл глаза.

Он взял фонарик, бросился на первый этаж, залез на окно и осветил в кладовку.

Странно, но в кладовке было чисто.

Как было, так и осталось.

Никакого мусора, не говоря уже о грязи.

В свете фонарика Фу Чэн сидел в углу, его пальцы были прижаты к стене, а из горла доносилось урчание.

Словно он колдовал или что-то тренировал.

У Линь Цзао зародилось подозрение.

На следующее утро он тайком приоткрыл штору и посмотрел на других зомби.

На улице тоже было чисто. Кроме разбросанных вещей, никакой грязи.

Значит...

Зомби, похоже, не испражняются.

Подумав об этом, Линь Цзао взял ручку и записал это открытие в свой «Дневник кормления мужа-зомби».

Так, в мире и спокойствии, семья прожила три дня.

В то утро.

Линь Цзао, как обычно, надел фартук и достал большую миску.

В миске лежали замоченные на ночь свиная голова и сердце.

Эта свиная голова была для Линь Цзао настоящей головной болью.

Он постоянно о ней думал, боясь, что она испортится, если её не приготовить, или что он её испортит, если приготовит.

Наконец, вчера вечером он набрался смелости, достал свиную голову и сердце, разморозил их и замочил в воде.

Сейчас было холодно, и за ночь из них вышла вся кровь и неприятный запах, а мясо не испортилось.

Сегодня утром можно было приступать к готовке.

Линь Цзао вынул свиную голову и сердце из воды, вытер их, затем наклонился, включил газовую плиту, насадил свиную голову на палочку и стал опаливать её над огнём.

Голова была не целой, Фу Чэн разделил её на уши, нос и щёки и всё хорошо промыл.

Но остались мелкие волоски, которые нужно было опалить.

Как только Линь Цзао закончил с двумя ушами, с лестницы донеслись быстрые шаги.

Линь Сяобао взбежал наверх.

— Папа!

— Вернулся? — Линь Цзао отложил опалённые уши и взялся за нос.

Он был занят и не обернулся.

— Сказал дедушке Чжану?

— Сказал, — Линь Сяобао подбежал к папе и, встав на цыпочки, с любопытством заглянул на плиту. — Я сказал, что папа сегодня готовит тушёную свиную голову, и дедушке вечером не нужно готовить, только сварить рис.

Тушёная свиная голова готовилась долго, и Линь Цзао прикинул, что к обеду она не будет готова, поэтому сказал дедушке Чжану, что принесёт вечером.

— И что сказал дедушка Чжан?

— Дедушка Чжан сказал, что не надо, чтобы мы сами ели.

— А ты что сказал?

— Я сказал, что мы с папой не любим жирное мясо, — с уверенностью заявил Линь Сяобао. — Если дедушка Чжан нам не поможет, то мы не съедим, и оно испортится!

Линь Цзао улыбнулся, перевернул свиной нос и продолжил его опаливать.

— Папа сказал, что нельзя выбрасывать еду. Поэтому дедушка Чжан должен нам помочь!

— Да, — кивнул Линь Цзао. — Логично.

— Дедушка Чжан тоже так сказал, — сказал Линь Сяобао. — Он сказал, что, как и раньше, мы с папой оставим еду на подоконнике, а он заберёт.

— А я сказал, что папина тушёная свиная голова очень вкусно пахнет, и если оставить её на улице, то запах могут учуять другие.

— Тогда дедушка Чжан сказал, что мы договоримся о пароле. Когда я постучу в окно, он сразу же подойдёт и заберёт свиную голову.

Линь Цзао показал ему большой палец:

— Сяобао, молодец.

— Хе-хе, — Линь Сяобао немного погордился, а потом смутился. — Папа, я тебе помогу.

— Хорошо. Помоги папе почистить уши, соскреби с них всё чёрное.

Линь Сяобао надел свой маленький фартук, нарукавники, встал на стульчик перед раковиной.

Он взял маленькую щётку и, стиснув зубы, принялся усердно тереть уши.

— Я — силач!

Вскоре Линь Цзао опалил все части свиной головы.

Выключив плиту, он подошёл к раковине и стал чистить вместе с Линь Сяобао.

На кухне раздавались звуки льющейся воды, шуршания щёток и бодрые возгласы Линь Сяобао.

А ещё...

— «Милая, ты так мило улыбаешься».

— «Словно цветок, распустившийся на весеннем ветру».

— «Распустившийся на весеннем ветру».

Раздался нежный голос Линь Цзао.

Простуда ещё не прошла, и его голос был немного хриплым.

Но это было неважно, хрипота придавала старой песне особый шарм.

Линь Сяобао поднял голову и увидел, что папа, склонившись, усердно чистит уши и тихонько напевает.

Линь Цзао почувствовал его взгляд и обернулся:

— Что такое? Папа плохо поёт, переключить песню?

— Нет! — сказал Линь Сяобао. — Папа поёт очень хорошо! Я как раз думал, что в последнее время чего-то не хватает.

— Папа болел и не пел, ты отвык?

— Угу, — энергично кивнул Линь Сяобао.

Когда папа пел, неважно, что и как, он всегда чувствовал себя спокойно.

А когда папа не пел, и они просто жили, ему становилось не по себе, словно вот-вот случится что-то плохое.

В фильмах ведь всегда так: когда всё хорошо и спокойно, играет музыка!

Линь Цзао улыбнулся:

— Тогда папа будет петь почаще.

Он откашлялся и продолжил петь.

— «Где? Где я тебя видел?»

— «Твой голос так знаком, я не могу вспомнить».

— «А, во сне, я видел тебя во сне».

Отец и сын полчаса чистили свиную голову.

Но варить её было ещё рано, нужно было сначала отварить с луком и имбирём, чтобы убрать неприятный запах.

Замочить в холодной воде, опалить на сильном огне, а затем отварить в горячей воде.

Только после этих трёх процедур можно было считать, что всё готово.

Затем, пока Линь Сяобао возился с ушами, Линь Цзао поставил на огонь сковороду, чтобы приготовить карамель и обжарить специи.

Карамель придаст свиной голове красивый цвет.

Обжаренные специи сделают бульон более ароматным.

На Новый год они всегда готовили тушёное мясо, и в холодильнике у них, кроме разных специй, хранилась ещё и большая кастрюля старого бульона.

Линь Цзао взял большую кастрюлю, добавил старый бульон, медленно его растопил, затем добавил воды, карамель и обжаренные специи.

Поскольку Линь Сяобао тоже будет есть, он не стал добавлять много перца, лишь два маленьких красных перца для аромата.

В старом бульоне уже была соль, так что добавлять её не нужно было, лишь немного соевого соуса для цвета.

Когда бульон закипел, можно было опускать в него свиную голову и сердце.

Железной ложкой он прижал их ко дну и оставил томиться на медленном огне.

Тушёное мясо требует терпения, чем дольше оно тушится, тем вкуснее.

А когда оно готово, лучше оставить его в бульоне, чтобы оно пропиталось всеми ароматами.

Эту свиную голову Линь Цзао тушил два часа, а потом ещё три часа настаивал.

В обед, когда она ещё не дошла до готовности, Линь Цзао тайком выловил кусочек и дал попробовать Линь Сяобао.

Линь Сяобао, пожевав, покачал головой:

— Папа, не очень вкусно, нет вкуса, только у кожи есть.

Поэтому Линь Цзао не стал торопиться, оставил мясо в бульоне, а на обед быстро приготовил пару блюд.

Лишь к шести часам вечера Линь Цзао снова осмелился открыть крышку. Он проткнул мясо палочкой — она вошла не слишком легко, но и не слишком трудно.

Такая свиная голова не будет слишком мягкой и разваренной, но и не будет жёсткой и безвкусной. Она станет желеобразной, нежирной, упругой, с идеальной текстурой.

Сердце же, наоборот, чем дольше настаивалось, тем становилось плотнее, как постное мясо.

Линь Цзао взял доску и нож для готовых продуктов, выловил кусок мяса и нарезал его тонкими ломтиками.

Он неплохо владел ножом, и ломтики получались такими тонкими, что на свету почти просвечивали. Если по ним щёлкнуть, они подпрыгивали.

Нарезав ряд свиной головы, а затем ряд сердца, он поддел их ножом, аккуратно уложил в миску и полил ложкой бульона.

Яркий цвет, аппетитный аромат — всё это вызывало зверский аппетит.

Линь Цзао не поскупился, нарезал большую миску нежного мяса для дедушки Чжана, приготовил большую порцию для Фу Чэна, полил всё бульоном и, взяв Линь Сяобао, спустился вниз, чтобы отнести им еду.

Носить еду, будь то Фу Чэну или дедушке Чжану, они уже привыкли.

На всё ушло меньше десяти минут.

Когда они закончили, уже стемнело.

Линь Цзао и Линь Сяобао, не в силах сдерживать радостного нетерпения, бросились наверх.

— Тушёная свинка, я иду!

— Наконец-то и мы поедем!

Отец и сын вбежали на кухню.

Они разделили обязанности: Линь Цзао нарезал и укладывал мясо, а Линь Сяобао накладывал рис.

— Папа, скорее!

— Иду, иду!

Линь Цзао усадил Линь Сяобао в его стульчик и снял фартук.

Они только что сели, взяли палочки и подцепили по кусочку мяса.

В следующую секунду снизу донеслось несколько оглушительных ударов.

Бум! Бум! Бум!

Бах! Бах! Бах!

Словно кто-то колотил по железным роллетам.

Линь Цзао и Линь Сяобао невольно обернулись и посмотрели в окно.

И в тот же миг снаружи донеслись грубые мужские крики:

— Открывай! Старый хрыч, быстро открывай

<http://bllate.org/book/16977/1584836>